

МОЛОДЕЖЬ: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

*М.Г. КОТОВСКАЯ,**Н.В. ШАЛЫГИНА***Советское студенчество 1970-х годов:
проблемы ментальности**

В статье рассматриваются проблемы формирования ментальности московского студенчества в 70-е гг. XX в. Используются методы микроисторического исследования.

Ключевые слова: повседневность, студенчество, историческая антропология, гендер.

The problems of the formation of Moscow student's mentality in 1970s are considered in the article. The methods of the microhistorical investigation are used.

Keywords: Alltagsgeschichte (every day history), student community, historical anthropology, gender.

Трудности и неудачи либеральных реформ в современной России все чаще “разворачивают” общественное мнение в сторону переоценки утраченного советского прошлого. Как ни парадоксально, но феномен советского образа жизни, будучи наиболее ангажированным в отечественных социальных науках 1970-х гг., в последующие два десятилетия практически стал “темой-изгоем”, от которой научный мир открещивался и публично дистанцировался в угоду перестроечной проблематике. Сегодня уникальное явление, именуемое “советским образом жизни” (СОЖ), вновь приковывает к себе внимание исследователей, воспринимающих наше недавнее прошлое уже не только как ностальгическую рефлексию старшего поколения, но и как малоизученное социальное пространство, в котором формировался фундамент новейшей ментальности россиян.

Как и любая историческая эпоха, советский период нашей истории имел свои плюсы и минусы. Присущий ему принцип социального равенства имел и обратную сторону, выразившуюся прежде всего в идеологической тотализации повседневной жизни.

Вездесущность правил повседневного поведения особенно тяжело воспринималась молодежью, теми, кто только начинали осознавать себя частью социума. Почему нельзя выбрать работу по собственному вкусу? Почему нельзя показать себя с лучшей стороны, стать не таким, как все? Почему нельзя зарабатывать больше, одеваться лучше, приобретать красивые и модные вещи и т.п.? Многочисленные “почему” витали в

Котовская Мария Григорьевна – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Шалыгина Наталья Валентиновна – кандидат исторических наук, доцент Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

воздухе 1970-х, прорывались сквозь присущий эпохе эзопов язык, гремели хрипотцой с театральных подмостков, рвали гитарные струны, но... практически не отражались на повседневной жизни советских людей. Точнее, удобная, привычная, налаженная повседневность 1970-х, обеспеченная советским государством, вполне уживалась со спонтанными проявлениями бунтарских настроений, направленных против тоталитарной формы государства.

Как и с какой точки зрения подходить к объяснению двойственной реальности советского образа жизни, какими научными методами ее изучать? Совершенно очевидно, что исследование динамики только макропроцессов (укрепления тоталитарного режима, бюрократизации власти, проведения политики идеологизации массового сознания и т.д.) способно дать лишь одномерный результат – демонизацию власти и противопоставление ей действующей вне данной системы кучки героев, не имеющих подлинной надежды на успех.

Подобный подход, кстати, пользовавшийся в 1990-х гг. большой популярностью в нашей стране при изучении советского образа жизни, еще десятилетием ранее был раскритикован западноевропейскими методологами. Известный французский социолог, один из апологетов альтернативного метода исследования в истории (микроисторического анализа) Ж. Ревель по поводу типичного сведения анализа к противостоянию *власти и инакомыслящих* писал так: “Принять подобное распределение ролей... означает, на самом деле, признать, что социальных акторов в массовом масштабе просто не существует или же они пассивны и исторически подчинены воле гигантского Левиафана. Но такое представление неприемлемо... потому что даже если принять гипотезу о глобальной эффективности механизмов власти, нужно понять, как эта эффективность стала возможной, т.е. как предписания властей передавались и воспроизводились в бесконечно разнообразных и разнородных контекстах” [Ревель, 1996, с. 119].

Сложность и многоплановость социальной игры, где внимание уделяется не только главным действующим лицам, но и “массовке”, рассматриваются микроисториками уже несколько десятилетий, причем на примерах историко-культурных реальностей и решения наиболее спорных вопросов общественнознания. В 1985 г. виднейший представитель итальянской школы микроисториков Дж. Леви, рассматривая механизмы утверждения абсолютистского государства в Пьемонте XVII в., пришел к выводу о скрытом противостоянии абсолютизму множества социальных акторов, чьи действия способствовали формированию локальных интересов и групп людей, с ними связанных. Социальный ландшафт абсолютистского государства в результате стал выглядеть совершенно иначе, не нарушая, однако, самой сути этой формы государственности [Levi, 1991].

Опыт западноевропейских исследователей, применяющих микроисторический анализ для изучения авторитарных форм власти, очевидно может быть использован и в нашем случае, то есть для описания социального ландшафта СССР 1970-х гг. Можно предположить, что отношение большинства населения страны к так называемой патерналистской форме государственного управления, когда практически все социальные нужды населения в той или иной степени удовлетворялись государством в обмен на политическую лояльность граждан власти, не было индифферентным. Вопрос в том, существовали ли какие-либо другие группы населения, кроме диссидентов, недовольные существующей социально-политической системой? Если да, то в чем проявлялись их протестные настроения и насколько они были способны расшатать основы всей социально-политической системы того времени?

С этой точки зрения особый интерес представляет московское студенчество 1970-х гг. и прежде всего студенты-гуманитарии, которые изучали дисциплины, позволявшие сравнивать властные структуры различных эпох, проводить анализ побед и поражений всех видов протестных движений в мировой истории, делать выводы о возможностях исторического материализма как метода исследований и т.п. Используя широко известный оксюморон итальянского микроисторика Э. Гренди о необходимом-

сти поиска “исключительной нормы” для репрезентативности микроисторического исследования, можно сказать, что под это определение идеально подходит студенческая среда исторического факультета МГУ, вобравшего в себя представителей молодежи различных регионов страны. Именно разношерстная среда гуманитариев МГУ могла стать носителем примет скрытой реальности советского периода. Более того, выпускники 1970-х встали у руля реформ 1980–1990-х гг. в нашей стране, занялись проблемами либерализации экономики и формирования новых форм власти.

Один из наиболее приемлемых подходов в изучении повседневных практик студентов МГУ – интерпретационный метод американского профессора социальной психологии и родоначальника этнометодологии Г. Гарфинкеля. Разработанный в субъективистской традиции, этот метод позволяет исследователю вместе с респондентом “в ходе беседы... найти тот смысл, который последний придает своим словам и поступкам” [Андреева, Богомолова, Петровская, 2002, с. 218].

Следует также учесть, что с точки зрения методологии микроисторических исследований любая картина повседневности будет, мягко говоря, искаженной и недосказанной без сравнения мужских и женских мотиваций, достижений, адаптивных возможностей и т.п. Мужчины и женщины способны по-разному “преобразовывать” окружающую их реальность, конкурировать, создавать группы, формировать коллективную идентичность и т.д. Включение в исследование повседневности гендерной составляющей таким образом – необходимое условие адекватного отражения реальности.

Ценностные представления студентов-гуманитариев об учебе в МГУ

Гуманитарные факультеты МГУ в 1970-е гг. считались одними из самых престижных в системе высшего образования СССР. “На равных” они конкурировали, пожалуй, лишь с Московским государственным институтом международных отношений (МГИМО) и Институтом стран Азии и Африки при МГУ, или, как его тогда чаще всего называли, Институтом восточных языков.

В 2005 г. российский еженедельник “Коммерсантъ-Власть” (№ 4 от 31 января) провел опрос бывших студентов гуманитарных факультетов МГУ, ставших сегодня известными публичными людьми, который был приурочен к 250-летию МГУ. Все его участники постарались выделить то главное, “*чему их научил МГУ*” (так был поставлен основной вопрос). Вот некоторые ответы.

А. Костин – президент Внешторгбанка (экономический факультет): “Мыслить самостоятельно ... Мы учились в МГУ в период тяжелой идеологии, но он оставался уникальным вузом – английский нам преподавали учителя из Англии... А еще я вспоминаю военные сборы, уж очень сильный был дух товарищества”.

А. Макаров – адвокат, депутат Государственной думы (юридический факультет): “Жизненным основам. В этом году исполняется 30 лет, как я окончил юрфак. И теперь я точно знаю: там дают такие фундаментальные знания, которые позволяют легко разобраться в любом правовом вопросе. Таких знаний нигде больше не дают. Кроме того, студенты МГУ обладают свободолобием и вольнодумием. В те времена ни в одном вузе такие вещи не поощрялись”.

Е. Гайдар – директор Института экономики переходного периода (экономический факультет): “Для меня было не так важно, чему учат в МГУ, а важнее, кто учится. Интеллектуальный уровень сокурсников был высоким. А учили на экономическом факультете своеобразно. Задача заключалась в том, чтобы люди, которые учились на кафедре политэкономики, могли в любой момент объяснить действия политической власти и аргументировать их ссылками на источники марксизма-ленинизма. Но интеллектуальная атмосфера и приличная библиотека во многом компенсировали несовершенство образования”.

А. Хандруев – руководитель консалтинговой группы “Банки. Финансы. Инвестиции” (экономический факультет): “Гибкости и системности восприятия мира,

свободно ориентироваться в мире знаний и информации. Мощный толчок развитию экономического факультета МГУ дала реформа А.Н. Косыгина. Тогда на факультете ввели новые предметы, образовали новые кафедры, а занятия проходили в атмосфере дискуссий. Все мои товарищи из МГУ. МГУ – это навсегда”.

*Ю. Батури*н – *космонавт-испытатель, в 1993–1994 гг. помощник Президента России по правовым вопросам, в 1994–1996 гг. – по вопросам национальной безопасности, в 1996–1997 гг. – секретарь Совета обороны при Президенте России (факультет журналистики)*: “МГУ учил универсализму и свободе мысли. Журфак был самым вольным факультетом. Я учился на вечернем отделении, но днем ходил на занятия, чтобы послушать лекции о Высоцком или Окуджаве. Представить, что подобные курсы читались в других университетах, невозможно. И я считаю себя вдвойне выпускником МГУ, ранее я окончил Московский физико-технический институт, а он в свое время был факультетом МГУ”.

А. Лукьянов – *председатель консультативного совета ЦК КПРФ (юридический факультет)*: “...я посещал не только лекции юрфака, но и ходил к химикам на Несмеянова, к математикам – на Петровского, к физикам – на Шмидта, к историкам – на Тарле. В 1953–1956 гг. университет очень тяжело воспринимал все, что происходило с культом личности, но вышел с хорошим пониманием происходящего в стране. У нас преподавали люди, которые жили до Октябрьской революции, они знали цену того времени, в котором живут”.

Вл. Жириновский – *вице-спикер Госдумы (Институт стран Азии и Африки)*: “Жизни, умению руководить. В МГУ я прошел через демократию, диспуты и жизнь в общежитии. Университеты – это не просто цитадель науки, образования, это еще и мощь государства или его разрушение...”.

Я. Засурский – *декан факультета журналистики МГУ*: “Фундаментальности подхода, основательности и стремлению докопаться до самых корней... Для меня огромное счастье работать здесь... Университет сочетает в себе мобильность и динамичность с фундаментальностью, характерной для нашего образования”.

Кто и как поступал на гуманитарные факультеты МГУ?

Поступление на гуманитарные факультеты МГУ, хотя и квотировалось государством, предоставляя льготы абитуриентам из рабочих семей, демобилизованным из армии и другим категориям советских граждан, в целом было доступно всем, кто принимали для себя решение получить престижное гуманитарное образование в Москве. Что касается “особой поддержки”, или, как принято было выражаться в то время, “блата”, то как для девушек, так и для юношей это были преимущественно связи родителей, родственников или друзей семьи. По данным нашего эмпирического исследования, и при поступлении в университет, и при распределении на кафедры “учитывалось”, например, то, что юноша (девушка) был сыном (дочерью) или другим родственником известных людей. Причем не обязательно родителей-историков, то есть тех, с кем профессорско-преподавательский состав факультета был знаком лично. Принимались во внимание любые “знаковые” связи.

Ирина Д. – *старший научный сотрудник Музея народного искусства (год поступления – 1970)*: “Я-то поступала сама, но не с первого раза поступила... Пришлось год где-то работать, чтобы еще раз сделать попытку, так как одного балла не хватило с первого раза, а попросить за меня было некому. А вот моя подруга поступила с первого раза, потому что папа-академик работал в космонавтике, со всеми был знаком...”¹.

¹ Здесь и далее, если не указано иное, приводятся данные эмпирического исследования, посвященного изучению образа жизни, ментальных маркеров и повседневности московского студенчества, которое было проведено нами в 2010–2011 гг. В качестве респондентов выступили бывшие студенты исторического факультета МГУ, поступившие на учебу в университет в 1970 г. Всего опрошено 20 женщин и 20 мужчин. В данной статье приводится сокращенный вариант глубинных интервью, которые мы записывали на диктофон в течение нескольких месяцев 2010–2011 гг.

Вадим С. – ведущий научный сотрудник Российской академии наук (год поступления – 1970): «В моей семье никогда не было историков, но я очень хотел поступить на истфак. В то время это был очень престижный факультет. Сели дома, стали вспоминать, кто из родственников или знакомых имеет отношение к этому факультету. Отец сказал, что вроде когда-то к нему в редакцию приходил профессор Б., известный советский историк, какой-то материал они вместе с ним готовили. Но сразу звонить отец не решился. Только после того, как я хорошо сдал все экзамены, но еще не знал – поступил или нет, отец надел свой лучший костюм с орденами на лацканах и отправился на аудиенцию к этому профессору. И кажется, поставил его в очень неловкое положение своей просьбой поддержать меня, “если что...”. Профессор-то был старой советской закалки, считал, что все должны добиваться всего в своей жизни сами. Он что-то вроде пообещал отцу, но, слава богу, я все-таки прошел по баллам сам».

Играл ли какую-либо роль при поступлении на гуманитарные факультеты МГУ 1970-х гг. гендерный фактор? М. Арбатова, опираясь на собственный опыт, полагает, что, безусловно, девушки при поступлении имели шанс использовать свои “женские чары”: «...конкурс (на философском факультете МГУ. – *М.Г., Н.Ш.*) был очень большим, и, когда я поступала в первый раз, не добрала полбалла. А потом оказалось, что большая часть поступила по блату. На второй год я уже не церемонилась, надела кофточку в японском стиле на одной кнопке и, отвечая на вопрос, свела перед преподавателем лопатки. Он поставил мне “пять” и сказал, что будет счастлив видеть меня на факультете» (“Коммерсантъ-Власть”, 31 января 2005].

Само понятие “блата” имело достаточно широкую трактовку, под которую, кстати, подпадала и так называемая “разнарядка по партийно-комсомольской линии”. Традиция партийного протектирования советской молодежи в лучший вуз страны родилась задолго до 1970-х гг. А. Грачев, биограф первого и последнего Президента СССР М. Горбачева, описывает практику направления партийно-комсомольским аппаратом своих выдвиженцев на учебу в МГУ как суровую необходимость, связанную с нехваткой грамотных людей в государственном управлении. Горбачев, будучи активным и принципиальным комсомольцем, к тому же тянувшимся к знаниям, получил право зачисления на юрфак МГУ без всяких экзаменов. «В 1950 году, заканчивая школу, 19-летний (из-за двухгодичного перерыва, связанного с войной) Михаил попросил родительского благословения на продолжение учебы. Отец напутствовал сына лаконично: “Поступишь, будем помогать, чем сможем. Не поступишь, возвращайся на комбайн, будем дальше работать вместе”. Известный американский журналист Хедрик Смит, долго работавший в Москве и написавший книгу о Горбачеве, уже в самом факте поступления деревенского парня из далекого ставропольского села в престижнейший университет усматривает чуть ли не божий промысел: “Это все равно, что негритянскому подростку из Гарлема добиться зачисления в Гарвардский университет”, – объясняет он американским читателям» [Грачев, 2007, с. 25].

На самом же деле, как мы полагаем, советская система того периода фактически гарантировала получение высшего образования партийным и комсомольским активистам особенно из соответствующих социальных слоев, независимо от их личных способностей. И в этом смысле сравнение Смита представляется не совсем корректным (зато сильно укрепляющим позитивный имидж первого и последнего Президента СССР).

В последующие 20–25 лет зачисление партийных выдвиженцев в МГУ претерпело некоторые метаморфозы и уже не предусматривало каких-то особых достоинств поступающих. Достаточно было того, что молодой человек или девушка имели билет члена КПСС или числились комсомольскими лидерами в какой-либо государственной структуре. Справедливости ради следует сказать, что таких студентов на историческом факультете МГУ было сравнительно немного. По нашим данным, среди студентов 1970 г. поступления (приблизительно 100 человек) членов КПСС было всего трое.

Отношение к “выдвиженцам по партийной линии” среди студентов было неоднозначным. Так, по мнению Арбатовой, те, кто поступали в университет подобным

образом, снижали сам авторитет учебного заведения и, по сути, лишали его социального престижа: "...я шла на философский факультет, чтобы получить хорошее образование... Но на факультете учились секретари райкомов, которые не могли связать двух слов. Я не выдержала и ушла в литинститут" ("Коммерсантъ-Власть, 31 января 2005).

Повседневность студенческой жизни

Круг общения студентов на историческом факультете, как правило, начинал формироваться сразу после поступления в университет. Обычно первый опыт общения стартовал с выяснения того, кто сколько получил баллов на конкурсе, какую школу закончил (закончила), почему поступал (поступала) именно на исторический факультет МГУ. Суть такой "разведки боем" заключалась в первичной ментальной ориентации, то есть чье мировосприятие мне ближе, больше совпадает с моим собственным. "Своих" отличали от "не своих" по внешнему виду, манере говорить, ссылкам на прочитанные книги, понравившимся фильмам, по отношению к спорту, модным театральным постановкам и т.п. С достаточной долей условности можно сказать, что как дружеские, так и любовные отношения между юношами и девушками в студенческой среде завязывались уже внутри "своей" группы, редко выходя за рамки ментальных совпадений.

Невидимая демаркационная линия внутригрупповой лояльности проходила прежде всего между москвичами и немосквичами, которые жили, как правило, в знаменитом высотном общежитии МГУ на Воробьевых горах. Образ жизни студентов-истфаковцев, проживавших в университетском общежитии, имел множество характерных особенностей, включая организацию быта, питания, развлечений. Обычно в одной комнате размещались 3–4 человека, деливших с живущими в соседней комнате ванную и санузел.

У юношей студенческая комната выглядела менее уютно, чем у девушек, но зато в ней более отчетливо ощущался корпоративный дух – общее хозяйство и общее рабочее место. Девушки, напротив, всячески старались выделить в общей комнате свое личное пространство, обустроявая его как собственный "маленький дом". Продукты у тех и у других чаще всего распределялись между всеми, живущими в комнате. А если продуктов не хватало, то принято было "перехватывать" у соседей по этажу.

Жизнь в общежитии изначально была устроена так, что объединяла приезжих студентов. Общая кухня, общий коридор, другие места общего пользования способствовали активному общению студентов, многие из которых даже не всегда учились на одном факультете. Но было и еще нечто, что сплачивало корпоративный дух студентов, живущих в общежитии, – это статус приезжего, "немосквича", то есть вообще советского гражданина, но не имевшего московской прописки. Данное обстоятельство цементировало молодежную среду "немосквичей" 1970-х гг. гораздо сильнее, чем различия в этническом происхождении. Особенно это проявлялось в ситуациях, когда московские сокурсники приходили к ним в гости. Иногородние студенты, жившие в одной комнате, выступали в роли некоего корпоративного хозяина, ощущающего не только привилегированность гостя, но и свою собственную дистанцированность по отношению к нему.

Ирина Т. – преподаватель истории в Тель-Авиве (исторический факультет МГУ, год поступления – 1970): "У меня были очень двойственные ощущения, когда кто-то из москвичек-однокурсниц приходил к нам в общежитие. С одной стороны, мы были рады визиту и буквально расчищали для гостей лучшее место в комнате, распахивая впопыхах лишние вещи по тумбочкам и шкафам... И самую красивую чашку предложим, и музыку поставим... А с другой стороны, они (москвички) как бы вторгались в наш мир. Пусть бы себе ходили в гости друг к другу, знакомились бы со своими парнями. Но они же *москвички!* Им все подавай...".

Отношения между самими юношами и девушками, жившими в общежитии, носили отпечаток некой игры “в домашнюю жизнь”. Так, не редкостью были совместные трапезы, когда девушки демонстрировали свое искусство приготовления блюд и сервировки стола; обычны были уход за приболевшими друзьями мужского пола, помощь в организации быта (уборка, иногда даже стирка и т.п.). При этом исполнение классической экспрессивной роли девушками-студентками вполне сочеталось с инструментальной ролью юношей-студентов, которые демонстрировали не менее классическое “мужское поведение” – гордость холостяцким бытом, нежелание готовить и, наоборот, желание вести застольные беседы, принимать как должное заботу девушек о себе и т.п. Тонкая ткань гендерных отношений в студенческом общежитии была именно игрой, правила которой не просто соблюдались, но и устраивали обе стороны.

Однако противостояние иногородних девушек и московских однокурсниц крайне редко затрагивало какую-либо иную сферу, кроме сферы личных отношений. Критиковать москвичек как представителей столичной культуры было не принято. Наоборот, слово “москвичка” для иногородних студенток содержало в себе ценности высшего порядка. Москва воспринималась этими девушками как предел всех мечтаний, неограниченное море возможностей, некий идеал, не подлежащий критическому осмыслению. “Железный занавес”, плотно закрывавший от советских людей остальной мир, не позволял даже мечтать о других странах. Но “завоевание” Москвы для студенток Советского Союза становилось вполне реальной целью. Правда, для этого надо было суметь довольно быстро адаптироваться к самой московской жизни.

Самым простым казалось изменение стиля одежды и прически. Важно отметить (особенно в контексте современных дискуссий о перспективах развития мультикультурализма в европейских странах), что вопрос о сохранении собственного этнического стиля и тем более о его культивировании вообще не стоял. Приезжие студентки не просто были готовы отказаться от всех особенностей одежды, принятых у них на родине, но и воспринимали их как “провинциальность”, от которой следовало как можно быстрее избавиться.

Сами же студентки-москвички в 1970-х гг. в создании своего стиля массово ориентировались на западные образцы моды. В Москве того времени, кстати, функционировали и собственные дома моды, разрабатывавшие “идеологически выдержанный” стиль одежды. Но при всех достоинствах, например, Дома моды на Кузнецком мосту, востребованность его продукции среди советской молодежи 1970-х была весьма ограниченной.

Валентина Е. – преподаватель лицея (исторический факультет МГУ, год поступления – 1970): “Мы, конечно, заходили в Дом моды на Кузнецком, так, посмотреть, что там новенького появилось. Но покупали только журнал *Burda Moden* с выкройками. Наши отечественные модели одежды были какими-то... нежизнеспособными что ли... Большинство девчонок предпочитали сами себе мастерить нормальную одежду, если купить ее было негде”.

Усвоение стилей в основном шло через иностранные кинофильмы.

Ольга М. – предпринимательница (исторический факультет МГУ, год поступления – 1970): «Мы все любили ходить на французские фильмы в те годы. Особенно, если там показывалась современная жизнь молодых мужчин и женщин в западном мире. Мне, например, очень нравились такие фильмы, как “Искатели приключений” с Аленом Делоном, Лино Вентурой и молодой актрисой Джоанной Шимкус в главных ролях. С удовольствием ходили на итальянские фильмы (“Мы так любили друг друга”), между прочим, нам очень нравились и польские (“Анатомия любви” с Барбарой Брыльска в главной роли), и югославские, и восточногерманские фильмы о жизни молодежи (“Ты, я и мой маленький Париж”). Тогда принято было ходить на нравившиеся фильмы по несколько раз. Вот мы и ходили смотреть на “их” жизнь... Как они одеваются, как ведут себя, как смеются, двигаются. А потом многие в Москве просто копировали эти манеры, прически, вообще стиль...».

Заметим, кстати, что копировались не только одежда, обувь, прически, но и сам характер поведения, образ мыслей, желаний, устремлений, отношений между мужчиной и женщиной. Понятие о моде в среде московского студенчества 1970-х гг. фактически подменялось понятием “быть, как они”. И лучшим комплиментом девушке-студентке могло стать, например, такое замечание: “Ну, ты выглядишь прямо как французская журналистка!”.

В СССР 1970-х гг. сложился настоящий культ импортной одежды: не только джинсы, любой другой “импорт” доставали с огромной переплатой, выстаивали в огромных очередях. Импортные вещи в повседневном обиходе были символом престижа: водолазки-“лапша”, кафтаны, нижнее белье, сапоги-чулки, портфель-“дипломат” и т.д. Настоящая “фирменная” одежда (слово “фирма” произносилось с ударением на последнем слоге) свидетельствовала о привилегированном статусе человека. И конечно же, далеко не все студенты могли себе позволить носить настоящую импортную одежду. Поэтому в ход шли всякие самодеятельные ухищрения, позволявшие выглядеть “фирменно”. Кстати, демократичная мода 1970-х практически не ограничивала молодежную креативность. Одновременное сосуществование в моде множества стилей (ретро, этнического, классического, романтического, фольклорного, спортивного, милитари, диско и др.) позволяло легко имитировать любую “фирму”.

Наталья Ж. – предпринимательница (исторический факультет МГУ, год поступления – 1970): “В университете все москвички где-то доставали настоящие, то есть потертые в нужных местах джинсы. И стоило это очень дорого – 150 руб., а стипендия – 30! В моем родном Кишиневе вообще было такого не достать”.

“Фирменные” джинсы, кроме всего прочего, еще должны были и “сесть в обтяжку”. Для этого существовали специальные технологии.

Наталья Ж. – предпринимательница (исторический факультет МГУ, год поступления – 1970): “Мы с девчонками поступали очень хитро – ложились в горячую ванну и уже в воде натягивали на себя эти джинсы... А потом изо всех сил терли их пемзой. Чем потертее были джинсы, тем моднее...”.

Клара Д. – домохозяйка (исторический факультет МГУ, год поступления – 1970): «В нашей группе была девочка из так называемой “золотой молодежи”. У нее мама возглавляла какой-то спортивный комитет в Москве, часто ездила за границу и привозила очумительные вещи! Так вот эта девочка всегда задавала тон в одежде. Причем все у нее было немножко чересчур. Если платформы, то обязательно на сантиметр-два выше обычной нормы. Если мини-юбка, то только что трусики были не видны. Даже зимнее пальто она носила из какой-то нежно голубой ткани, сшитое на заказ “в обтяг”, и такое короткое, что в мороз жалко было на нее смотреть... Но очень красиво!».

Без преувеличения можно сказать, что те москвичи, которые могли себе позволить носить настоящую “фирму”, как правило, оказывались в элитной группе молодежи, которая нередко становилась эталоном для иногородних студентов. Но был и другой критерий, который разделял студентов-гуманитариев не только на москвичей и немосквичей, но и на так называемых “романтиков” и “реалистов”. Начало 1970-х гг. ознаменовалось достаточно заметной сменой ценностных парадигм, что не могло не сказаться и на стиле общения молодежи. Еще совсем недавно, в середине 1960-х гг., доминировал так называемый советский романтизм, эйфория социального оптимизма, нашедшая свое едва ли не самое яркое отражение в авторской песне. Светлое в целом мироощущение, лиризм, беззлобный юмор, настроение дальних странствий наполняли песни Ю. Визбора, кумира молодежи тех лет. Романсная интонация этих песен “совсем не поучала, а лишь тихонечко звала” (Ю. Визбор).

Центральными образами-мифологемами были “локоть друга” (“только в связке одной с тобой там поймешь, кто такой”), дорога как “линия жизни”, испытания, надежды, поиски себя, пути в неизведанное (“счастлив, кому знакомо щемящее чувство дороги, ветер рвет горизонты и раздувает рассвет”). Романтический образ предусматривал и риск, даже отчаянность поступка. Отсюда идеализация альпиниста как социального героя того времени, бродяг, “едущих за туманом”, и т.д. [Левин, 2004].

Дух советского романтизма не исчез и к началу 1970-х гг. По-прежнему отдавалась дань мужественным мужчинам и преданным им женщинам, испытаниям любви, дружбы, верности, поискам своего места в жизни. Однако добавилась и новая тема – лиризм “поющих поэтов” Запада. Ж. Брель, Д. Дассен, Б. Дилан, И. Монтан и другие исполнители Франции, США, Великобритании “крутились” на ленточных магнитофонах в студенческих компаниях, вперемежку со стихами... и философией романов Ж.-П. Сартра, создавая более чем насыщенную атмосферу личностного общения молодежи. Главное, что одно не исключало другого, все воспринималось вкупе и одновременно, давая выход самым разнообразным молодежным настроениям.

На исторический факультет в 1970-х гг. шла молодежь, которая в массе своей была “напитана” этим интеллектуально-романтическим флером.

Валентина Е. – преподаватель лицея (исторический факультет МГУ, год поступления – 1970): «На третьем курсе, когда надо было выбирать специализацию, “романтики” ровными рядами двинулись на кафедры этнографии и археологии, хотя более престижным все-таки было оказаться на кафедре новой и новейшей истории...».

Будущих этнографов и археологов объединяло прежде всего не отрешенное “чувство дороги” и жажда путешествий. Мало кто из этих студентов думал о том, как будет зарабатывать себе на жизнь, но гарантированные советским государством заработные платы молодым специалистам всех профессий позволяли отодвигать эту проблему на второй план.

Если попытаться выстроить ценностные приоритеты романтиков-интеллектуалов, то на первом месте, скорее всего, окажется наука и интересная профессиональная жизнь. Политические проблемы обсуждались, но скорее были фоном молодежной жизни, нежели осознанной целью в процессе самоактуализации.

Татьяна Т. – преподаватель высшей школы (исторический факультет МГУ, год поступления – 1970): «Политика как таковая нас тогда вообще интересовала мало. По дороге к метро, в коридорах факультета, на “сачкодроме” (место для курения и студенческих разговоров. – М.Г., Н.Ш.) чаще всего говорили о науке и о том, кто кем будет работать после окончания университета. Наши мальчики были очень умными! Честно говоря, нас мало волновало то, насколько правильно или неправильно была устроена социально-политическая система, в которой мы родились и жили. Скорее, говорили о том, как реализоваться в этой системе, в первую очередь – профессионально».

И юноши, и девушки в качестве лидеров среди романтиков-интеллектуалов выявлялись исключительно по принципу приобщенности к науке. Требования к девушке-лидеру со стороны членов этой группы, как правило, оказывались сниженными: от нее, например, не ждали изысканных манер, демонстрации модных туалетов, красивой прически, макияжа и т.п. Ценилась ее способность оригинально и логически мыслить. Такая девушка могла себе позволить самое эпатажное поведение.

Наталья К. – научный сотрудник (исторический факультет МГУ, год поступления – 1970): “Мы, конечно, обращали внимание на то, что у Валентины, например, не подшита юбка, просто нитки свисали, что она грызет ногти во время разговора, что может, сидя на столе в учебной аудитории, автоматически жевать кем-то забытую апельсиновую кожуру, что таскает с собой на занятия засаленный дедушкин портфель, набитый книгами, вместо модной сумки. Но воспринимали такое поведение скорее как эпатаж... Вот она могла позволить себе говорить то, что думала”.

Девушки-студентки, входившие в группу романтиков-интеллектуалов, относились к таким продвинутым в науках умницам в своей среде практически так же, как и юноши, – с удовольствием слушали, спрашивали, консультировались, но не дружили с ней, не проводили с ней свободное время. Все попытки самой интеллектуалки сблизиться с однокурсниками обычно заканчивались неловкостями, причем со стороны как самой студентки-лидера, так и любой другой девушки.

Клара В. – владелица фитнес-центра (исторический факультет МГУ, год поступления – 1970): «В перерыве между лекционными парами несколько девушек остались в аудитории, обсуждая цвет лака для ногтей. Разговор шел специфический: девушки

делились своими знаниями о модной форме ногтей, о том, какой лак лучше – польский или французский (другие зарубежные фирмы в начале 1970-х гг. не поставляли свою косметическую продукцию в Советский Союз). И вдруг Валентина, которая обычно не принимала участия в таких разговорах, неожиданно подошла к нам и, протянув свою руку с короткими ногтями, неуверенно так проговорила: “А я вот тоже хочу покрасить ногти лаком. Перламутровым. Как вы думаете – мне пойдет?”. Мы просто... обалдели! Кто-то без всякой задней мысли, на рефлекс, спросил: “А тебе зачем?”. Вот был конфуз! Но никто ведь не хотел ее обидеть, просто она никогда вообще не занималась своей внешностью!».

Для “романтиков” была характерна собственная мотивация учебного процесса, имевшая немало нюансов. Так, романтический флер мог стать определяющим фактором при выборе специализации на третьем курсе. В начале 1970-х гг., когда внешнеполитическая стратегия Советского Союза делала акценты на развитии левых, прокоммунистических движений в странах Латинской Америки, в сознании советской молодежи формировался героический образ борцов за свободу испаноязычного населения западного полушария. Поражение С. Альенде и приход к власти проамериканского режима А. Пиночета (Чили) многими молодыми людьми в СССР воспринимались как личная трагедия, порождавшая не только сочувствие к борющимся латиноамериканцам, но и в целом интерес к их культуре, языку, историческим судьбам.

Несколько девушек третьего курса исторического факультета (*год поступления – 1970*), когда надо было определиться со специализацией дальнейшего обучения, сделали выбор именно в пользу южноамериканского региона. В основе такого выбора, в первую очередь, лежали не практические соображения (хорошее трудоустройство, возможность зарабатывать и т.д.), а скорее, все тот же романтический флер как мировоззренческая доминанта целого поколения советской молодежи.

Татьяна Т. (исторический факультет МГУ, год поступления – 1970): “В нашей узкой университетской компании были четыре девчонки. Парадоксально, но нас объединило... сочувствие к латиноамериканским революциям. В то время девочки просто грезили латиноамериканцами! Не скажу, что нас сильно волновали такие исторические личности, как Сальвадор Альенде или Че Гевара... Но все, что было связано с латиноамериканскими революциями, воспринималось как романтика что ли. Песни вокруг пели на испанском, вообще язык испанский вошел в моду. Девочки ходили на студенческие вечера в Университет им. Патриса Лумумбы, где тогда учились многие латиноамериканцы, и там знакомились с ними. У нашей подруги Ларисы Е. был роман с одним из латиноамериканских студентов. У нее глаза горели, когда она рассказывала об этом парне! И как он разговаривает с ней по телефону, путая русские и испанские слова, и как одевается, как шутит, на какие фильмы они ходят с ним в кино... Наши ребята с их обеспеченной жизнью не шли ни в какое сравнение с этими латиноамериканцами!”.

Латинская Америка, кстати, будучи в фокусе идеологического пиара тех лет, привлекала и юношей-историков. Но в отличие от девушек, их мотивированность на изучение этого региона была связана с сугубо практическими планами выстраивания жизненной стратегии, а не с романтикой.

Александр Л. – сотрудник МИД РФ (исторический факультет МГУ, год поступления – 1970): «Самый большой конкурс на истфаке при выборе специализации был на кафедре новой и новейшей истории. Считалось, что там очень хорошо можно было “взять” два языка, а потом стать, например, международным обозревателем, журналистом и даже дипломатом, получить очень престижную профессию, а вместе с ней и возможность ездить за границу. Но на эту кафедру все-таки предпочитали брать ребят, а не девочек...».

Студентов с карьерными ориентациями можно условно отнести к группе “реалистов”. В их группе тоже не принято было много говорить о социальных проблемах, политике и других подобных проблемах, но по другим причинам. Студенты-реалисты

хорошо отдавали себе отчет в том, что карьерный рост в сфере общественных наук предусматривает прежде всего безупречную репутацию.

Александр Л. – сотрудник МИД РФ (исторический факультет МГУ, год поступления – 1970): «Я, конечно, не отмалчивался в разговорах, но и лишнего болтать себе никогда не позволял. И не то, чтобы боялся чего-то, нет, просто при всем демократизме студенческого общения обязательно находился кто-то, кто потом мог сослаться на неосторожные слова или не так их передать. Среди студентов постоянно ходили слухи, что вот тот-то и тот-то “стучит”».

В целом студенты-реалисты, как юноши, так и девушки, довольно адекватно воспринимали окружающий мир, не идеализируя его, но и не отвергая. Можно даже сказать, что представители этой категории студенческой молодежи занимали более созерцательную общественную позицию, по сравнению с теми же интеллектуалами, по-своему более активно реагировавшими на происходящее в общественно-политической жизни страны.

* * *

Студенческая среда гуманитарных факультетов МГУ в 1970-х гг. была очень далека от однородности. Скорее, она, как зеркало, отражала всю сложность социально-политических процессов, происходивших в советском обществе того времени. Это представляется вполне естественным, учитывая открытость университетского образования того периода для всех групп населения страны. Мы видели свою задачу в том, чтобы дать первичный срез в понимании феномена “студенческая ментальность 1970-х гг. в СССР”. Тот факт, что данный феномен, как и в целом ментальность советского человека, только начинает изучаться отечественной наукой, не позволяет пока дать окончательные ответы на многие вопросы, связанные с данной проблематикой. Сегодня мы не можем, например, определить четкие границы, отделяющие историю ментальностей в студенческой среде от истории ее повседневности. И в этой связи реконструкция способов поведения, выражения и умолчания, которые передают общественное миропонимание и мирочувствование, нуждается в своих собственных, оригинальных разработках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия. М., 2002.

Грачев А. Горбачев. М., 2007.

Левин Л.И. Авторская песня // Эстрада в России. XX век. Энциклопедия. М., 2004.

Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей. М., 1996.

Levi G. On Mikro-History // New Perspective on Historical Writing. Oxford, 1991.

© М. Котовская, Н. Шалыгина, 2013